АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161.1'28

DOI 10.23951/1609-624X-2020-5-36-41

МОТИВАЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВРЕД» В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лю Яньчунь

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

Введение. Исследованы мотивационные отношения и модели номинации в лексико-семантическом поле «Вред» на материале диалектов русского языка. Лексика этого поля связана с выражением отрицательной утилитарной оценки. Анализ мотивационных отношений и моделей номинации в лексике утилитарной оценки показывает особенности осмысления понятия «вред» в сознании носителей традиционной культуры.

Цель статьи – выявить структурно-семантические и мотивационные отношения в лексико-семантическом поле «Вред».

Материал и методы. Материалом послужили 49 выпусков Словаря русских народных говоров. Обнаружение мотивационных признаков, а также моделей номинации на их основе предполагает компонентный анализ семантики производного слова в сопоставлении с семантикой производящего слова, группировку признаков номинации в модели номинации. Для выяснения функционально-семантических особенностей применяется ареальный метод и – в случае неясной внутренней формы – сравнительно-исторический метод.

Результаты и обсуждение. Рассмотрение мотивационно-генетических отношений единиц лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка позволило выявить и отследить становление понятийной структуры отрицательной утилитарной оценки в традиционной культуре. Выяснилось, что большинство лексем поля имеет однозначно устанавливаемые мотивационные отношения, кроме единиц ядра и околядерной части поля, которые утратили прозрачность мотивационных отношений в силу исторической глубины их возникновения. Для реконструкции мотивационных отношений этих лексем привлечены данные этимологических словарей. Анализ семантических связей и мотивационных отношений лексики поля позволил выявить границы поля и выделить восемь моделей номинации.

Заключение. Найденные мотивационные отношения и представленные ими мотивационные модели обнаружили, с одной стороны, принципиальное сходство с рассмотренной ранее мотивационной характеристикой на материале литературного языка, а с другой – выявили различия, связанные с историческими изменениями в мотивационных отношениях, обусловленные эволюцией понятия «вред».

Ключевые слова: русский язык, диалектная лексика, понятие «вред», мотивационные отношения, мотивационная модель.

Введение

Мотивационные связи лексических единиц позволяют увидеть признаки, ставшие основой номинации конкретных реалий и абстрактных понятий. Эти признаки, в свою очередь, показывают, на основе каких логико-понятийных компонентов формируется определенный фрагмент языковой картины мира, отражающий ментальный мир человека, картину мира этноса. Анализ лексики, выражающей понятие «вред» в русских народных говорах, дает возможность выявить особенности мировидения носителей традиционной культуры, связанные с отрицательной утилитарной оценкой.

Материал и методы

Основой для анализа лексики «вред» послужил материал (около 600 лексем), полученный из 49 выпусков Словаря русских народных говоров.

Обнаружение мотивационных признаков, а также моделей номинации на их основе предполагает использование так называемой ближней этимологии: компонентный анализ семантики производного слова в сопоставлении с семантикой производящего слова, группировка признаков номинации в модели (принципы) номинации. Для выяснения функционально-семантических особенностей применяется ареальный метод и в случае неясной внутренней формы – сравнительно-исторический (генетический) метод.

Результаты и обсуждение

В структуре лексико-семантического поля (ЛСП) «Вред» в диалектах выделены три субполя («вред для здоровья субъекта», «вред для материального состояния субъекта», «вред для жизни субъекта и общества (в целом)»), как и в структуре

этого поля на материале литературного языка. Это принципиально важное сходство: такая соотнесенность структур предполагает общую основу, общую систему представления о вреде на уровне этнического сознания. В отличие от литературного языка лексическая система диалектов – это система систем отдельных диалектов, территориально обусловленных вариантов национального русского языка. При определении границ субполей диалектного поля «Вред» мы встречаемся с близостью значений лексем, наличествующих в различных подсистемах (диалектах/говорах) русского языка, т. е. фактически с изосемией. То есть вынуждены определять семантические отношения лексической единицы, функционирующей в территориально разных подсистемах общей национальной диалектной лексической системы.

В силу особенностей функционирования лексической системы диалектов, ее локальной вариативности для нас критериями выделения ядерной, доминантной, части субполя являлись 1) полнота связи с понятием «вред» (в прямом значении), 2) степень распространения в разных диалектных ареалах, 3) дополнительно – словообразовательная активность.

Согласно этим критериям мы не смогли найти единую для всех субполей ядерную единицу (гипероним), лексему, которая активно выражала бы все аспекты понятия «вред», поэтому ядерная часть определялась в пределах отдельного субполя. Сложность выделения гиперонима возникла прежде всего из-за специфики субполя «Вред для здоровья субъекта». Являясь наиболее многочисленным (около 290 лексем), это лексическое субполе выявило два совершенно разных подхода к определению вреда для здоровья человека: с одной стороны, с точки зрения вреда для здоровья в результате болезни, нанесения телесного повреждения (около 100 лексем), а с другой – вреда для здоровья в результате использования магии, «сглаза» (около 190 лексем).

Анализ семантической структуры ЛСП «Вред» на материале лексики диалектов русского языка с учетом всех вышеназванных особенностей этого поля, не позволяющих выделить гипероним, показал следующее. В части субполя «Вред для здоровья субъекта» (в результате болезни, нанесения телесного повреждения) ядро представляют лексема *веред/вред* и ее производные, близко к ядру, в околоядерной зоне, – лексема *портиться* и ее производные, а также образования от *век-/веч-* (*увековать, безвечить* и т. п.).

В другой части субполя «Вред для здоровья субъекта» (вред, причиняемый использованием колдовства, магии) ряд лексем наиболее полно представляют данный аспект понятия «вред» –

порча, портить, (с)глаз, (с)глазить, урок, (из)урочить и их производные (*спортить, сглаживать, изурочить, обурочить*). Околоядерная зона второй части субполя – это производные с корнем *рек-, зев-* и *зеп-* (*врэк, озёв, озёп* и др.).

В ядро субполя «Вред для материального состояния субъекта» мы отнесли лексемы *веред/вред, вередить/вредить, убыть, убыток, пакость*. Околоядерная часть этого субполя включает лексемы *портить, зорить, изъян, урон*.

Субполе «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» позволяет достаточно определенно выделить по заявленным критериям только ядерную часть – *веред/вред, портить* и его производные.

Выделение ближней и дальней периферии в диалектном ЛСП «Вред» имеет свои сложности, по сравнению с ЛСП «Вред» в литературном языке. Это связано как с функциональными особенностями лексической структуры диалектов, их сравнительно поздним становлением, энергичным распадом под влиянием литературного языка, урбанизацией и т. д., так и степенью лексикографической обработки. За критерий разграничения ближней и дальней периферии мы взяли степень распространенности лексемы по диалектам: к ближней периферии отнесли лексику, отмеченную в более чем двух диалектах, к дальней периферии – лексику, зафиксированную в 1–2 диалектах. Мы понимаем условность этого критерия, но более надежных критериев не обнаружили, а большой объем материала не позволял исключить дифференциацию лексики периферии.

Что касается мотивационно-генетической характеристики ЛСП «Вред», то часть лексики ядерной и околоядерной зоны совпадает с лексикой поля «Вред» в литературном языке и уже получила мотивационные отношения в статье «Мотивационно-генетическая характеристика лексико-семантического поля „Вред“ в русском литературном языке» [1, с. 202–213], как и лексика со значением ‘порча, сглаз’ (статья «Мотивационная структура субполя „Сглаз, Порча“ лексико-семантического поля „Вред“ в диалектах русского языка») [2, с. 47–54]. К этому следует добавить мотивационно-генетическую характеристику производных с корнями *зор-, -век-/веч-* и *прокуда*. Добавив анализ этих лексем, сможем определить, какие наиболее значимые аспекты понятия «вред» выделяет лексика ядерной и околоядерной зоны диалектного ЛСП «Вред». К периферии поля относится лексика, имеющая ясные мотивационные отношения и не требующая генетической характеристики.

В околоядерной зоне «Вред для здоровья субъекта в результате болезни, нанесения телесного повреждения» образования от корня *век-/веч-* с из-

учаемой нами семантикой известны в диалектах только как префиксально осложненные: *безвѣчить* ‘наносить увечье кому-либо’ (олон., пск., твер.), *обезвѣчить* ‘сделать калеккой, изувечить’ (арх., пск., твер., волог.), ‘лишить зрения’ (КАССР), *обезвѣковеть* ‘стать калеккой’ (пск., твер.), *увѣковать* ‘калечить, увечить кого-л.’ (пск., твер.) и др. [3, с. 182; 4, с. 28; 5, с. 167].

В околядерной зоне «Вред для материального состояния субъекта» близко по семантике для *вред* существительное *проку́да* и его производные: *проку́да* ‘порча, вред, беда’ (перм.), *проку́дничать* ‘пакостничать, škodit’ь, вредя другим’ (тул.), ‘скандалить, причинять вред, ущерб кому-л.’ (смол.), *запроку́дить* ‘портить или пачкать что-либо’ (нижегор., тобол.), *испроку́да* ‘убыток; порча’ (костром., тамб.), *спроку́да* ‘порча, сглаз’ (костром., нижегор.) и др. [6, с. 358; 7, с. 247; 8, с. 165; 9, с. 269].

Исторически *прокуда*, *прокудить* продолжают др.-рус. *прокуда* ‘вред, зло, порча, грех, беда’, ‘опасный, вредный человек; злой дух’, *прокудити* ‘повредить, испортить’, ‘погубить, истребить’, ‘осквернить’ – префиксальное производное от др.-рус., рус.-цслав. *кудити* (*коудити*) ‘хулить, порицать; осуждать’, ‘оскорблять’, ‘портить’ [10, с. 155–157; 11, с. 374]. Данные лексемы и их соответствия в южнославянских языках отличаются негативно-стью семантики (‘злословить, хулить, оговаривать’) как следствие развития исходной семантики ‘колдовство, ворожба; злой дух’, ср. рус. диал. *куд* ‘злой дух, бес, сатана’ (стар. сев., орл.), *кудь* ‘волхование’ [12, с. 544; 13, с. 395; 14, с. 17; 15, с. 82–84]. Сравнивая семантику современную и исторически зафиксированную, можно допустить исходную мотивационную модель «магическое воздействие, приводящее субъект в болезненное, неестественное состояние со сглазом» и далее ремотивацию: семантика современных диалектных образований, однокорневых с *прокуда*, *прокудничать* (‘пакостничать, škoditi, вредя другим’).

В литературном языке слово *зѳрѳть* представлено в форме *разорить* с приставкой *раз-*, которая усиливает семантику разрушения целостности объекта. В диалектах шире представлена форма *зѳрѳть* ‘разорять, расхищать, грабить; уничтожать, истреблять’ (арх., север., волог., яросл., кострѳм., влад., самар., перм., калуж., урал., южн.-сиб., иркут., новосиб. и др.) и его производное *зѳрѳться* ‘делать лишние расходы, тратиться’ (яросл.), а также приставочные образования *изѳрѳть*, *разѳрѳть*, *разѳрѳть* [6, с. 383; 7, с. 164; 16, с. 340–341; 17, с. 55]). Сопоставление глаголов *зѳрѳть* и *разорить* показывает сложность их словообразовательных отношений и неясность мотивационных отношений. С исторической точки зрения глагол *разорить* произведен от несохранившегося безаффиксного

-орить, ср. др.-рус. *орити* ‘разрушать’, *оритель* ‘разрушитель’ [18, с. 68; 19, с. 104]. В процессе функционирования производные от **oriti* ‘разрушать’ (> ‘разорять’?) [20, с. 30–36] претерпели воздействие (смещение) производных гнезда **zoriti*/**zariti* ‘рвать, драть’.

Таким образом, в рассмотренной производной и непроизводной лексике ядерной, околядерной зоны обнаружен ряд мотивировочных признаков, смыслов, определявших формирование понятия «вред» на разных этапах русско-славянской истории. Можно выделить следующие мотивационные модели (реконструированные, гипотетические даны со звездочкой):

1) «действие/нечто, разрушающее целостность субъекта/объекта» (**вред*/**веред*, **вередить*/**вредить*, **зори́ть*);

2) «действие/нечто, нарушающее/меняющее исходное состояние субъекта/объекта» (*портить, *порча, безвечить, обезвековать, зорить);

3) «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое, неполноценное по оценке субъекта» (*изъян, убыть, убыток, урón*);

4) «действие, совершенное (сознательно или несознательно) наоборот, вопреки, препятствовать, создавая помехи» (**накость, прокуда*);

5) «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом (*глаз, сглазить, портить, порча, *у́рок, *у́рочить, врѣк, врѣковать, озевать, озе́пать, *прокуда*);

6) «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или несознательно получаемым отрицательным для объекта результатом» (*прокуда, пакость*).

В первую и вторую мотивационные модели номинации («действие/нечто, разрушающее целостность субъекта» и «действие/нечто, нарушающее/меняющее исходное состояние субъекта /объекта») вписывается та ядерная лексика поля, которая уже утратила прозрачность мотивационных отношений.

Обнаруженные мотивировочные признаки и сформированные ими модели мотивации (ММ) мы проверили на предмет активности в качестве моделей номинации в лексике периферии поля. Анализ мотивационных отношений периферийной части поля показал, что и здесь представлены мотивационные модели, характерные для центра поля. Это совершенно закономерно. Есть и некоторые отличия. Покажем сначала примеры мотивационных моделей, выделенных в центре поля.

Г. ММ «вред, вредный» ← «действие/нечто, разрушающее целостность субъекта/объекта»:
травить, тратить, бить, вырешить, досадить, избавить, изверкать, колечить, осакатить,

отыкать, поедать, понуждать, порасточать, разлепешить, сечь, снитить, уязвить и др.

II. ММ «вред/вредный/вредить» ← «действие/нечто, нарушающее/меняющее исходное состояние субъекта/объекта в худшую сторону»: *губить, травить, гибель, пагубить, заразливый, зауродить, изворочить, искулемать, казнить, наедный, нарушить, одурманить, подморный, порочить, притоптать, прожиточный, спостылеть, страмить, схрапотать, сшевелить, убрасть, удодолить, удорожить, удороживать, упётать, ухлудить, хабасть, ядливый и др.

III. ММ «вред/вредный/вредить» ← «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое/большое, неполноценное/плохое по оценке субъекта»: *паскудить, *паскуда, тратить, пагубить, з(с)губа, голыш, зничить, накладыстый, начёт, обидеть, обносить, профорсить, профузить, профуфурить, профуфурить, профуфурить, прохордонить, процудить, ущерб, хитить, хизнуть, хезнуть, шибать и др.

IV. ММ «вред/вредный/вредить» ← «действие, совершенное (сознательно или неосознанно) наоборот, вопреки; препятствовать, создавая помехи»: вражить, каверза, помеха, попутать, претить, смутовать, смытарить, фальшить и др.

V. ММ «вред/вредный/вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом»: огадить, оглядеть, призорить, прикос, прикосить, подивить, обохать, сдиковать, надёковаться, оговорить, огодить, озыкать, окаркать, окричать, опеть, осудить, ухаять, довести, наслать, насаживать, причинить, исполбить, травить, потерять, сделать и др.

VI. ММ «вред/вредный/вредить» ← «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или неосознанно получаемым отрицательным для объекта результатом»: зашкодить, пошкодить, бедить, безделовать, довести, навинка, насхарить, повинка, обменяться, окром, поддобрехотать, прогадаться, проловить, проторговля, пробыхать, сказаться и др.

Кроме выше шести моделей, анализируя мотивационных отношений лексики на периферии ЛСП «Вред», мы выделили седьмую и восьмую ММ, не выделяемые в лексике центра поля.

VII. ММ «вред/вредный/вредить» ← «действие, направленное на то, чтобы портить, осквернив, изгадив; издеваясь»: глумить, изгадить, паскудить, паскуда, касть, закаститься, поддеюлить, поддеюлировать, споганить и др.

VIII. ММ «вред/вредный/вредить» ← «интенсивное действие, наносящее вред»: изжабить, изжушить, измутьзить, исхрястать, нагреть, наскородить, нахратить, перегваздать, приполошить, псить, угробить, уделать, удостоить, устосать, усудобить, ухламостить, ухряпать и др.

Заключение

В результате анализа мотивационно-генетической характеристики ЛСП «Вред» в диалектах русского языка выявлено следующее: 1) номинационную картину поля представляют восемь мотивационных моделей; 2) из них шесть моделей номинации реализованы уже в лексике центра поля – в ядерной и околоядерной зоне, еще две выявлены в лексике периферии поля; 3) учитывая результаты предыдущей работы на материале литературного языка, делаем вывод о сходстве в основных чертах путей номинации, мотивационной характеристики в диалектах и литературном варианте поля; три мотивационные модели соотносятся и по мотивационной активности («вред» как 1) «действие/нечто, разрушающее целостность субъекта/объекта», 2) «действие/нечто, меняющее исходное состояние субъекта/объекта в худшую сторону», 3) «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое/большое, неполноценное/плохое по оценке субъекта»). Принципиальные отличия ЛСП «Вред» в диалектах – это абсолютное превосходство по номинационной активности в диалектах мотивационной модели «вред/вредный/вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом»; значительное преобладание в степени реализации наблюдается и у модели «вред/вредный/вредить» ← «интенсивное действие, наносящее вред», что можно объяснить большей экспрессивностью, ненормированностью диалектного языка.

Данная статья публикуется при поддержке проекта Фонда для планирования социальных наук провинции Лаонин L19CYY009 (辽宁省社会科学规划基金项目L19CYY009).

Список литературы

1. Дронова Л. П., Лю Яньчунь. Мотивационно-генетическая характеристика лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 202–213.
2. Лю Яньчунь. Мотивационная структура субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка // Вестн. Томского ун-та. 2018. № 427. С. 47–54.
3. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 317 с.
4. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с.

5. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 350 с.
6. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1974. Вып. 10. 388 с.
7. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1977. Вып. 12. 369 с.
8. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1998. Вып. 32. 272 с.
9. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2006. Вып. 40. 346 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1995. Вып. 20. 288 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс: Универс, 1994. Т. 2.
13. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1979. Вып. 15. 400 с.
14. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.
15. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 13. 144 с.
16. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1976. Вып. 11. 364 с.
17. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2000. Вып. 34. 369 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 13. М.: Наука, 1987. 322 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
20. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IX (*zoriti/*zariti II; *obsogъ и *obsožiti; *syknoŭti; *гъвьнь и *ruja; *guzlo) // Этимология. 1980. М.: Наука, 1982. С. 30–36.

Лю Яньчунь, кандидат филологических наук, старший преподаватель русского языка, Даляньский университет иностранных языков (южная улица Люйшунь, 6, Далянь, Китай, 116044). E-mail: liuyanchun@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.05.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-5-36-41

MOTIVATIONAL AND GENETIC CHARACTERISTICS OF THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD “HARM” IN THE DIALECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Liu Yanchun

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

Introduction. This article is devoted to the study of motivational relationships and nomination models in the lexical-semantic field “Harm” based on the material of the dialects of the Russian language. The vocabulary of this field is associated with the expression of the negative utilitarian evaluation. The analysis of motivational relations and nomination models in the vocabulary of utilitarian evaluation shows the features of understanding the concept of “harm” in the minds of carriers of traditional culture.

Aim and objectives. The aim is to identify structural-semantic and motivational relationships in the lexical-semantic field “Harm”.

Material and methods. Dialect material was collected from 49 issues of the Dictionary of Russian dialects. The detection of motivational features, as well as nomination models based on them, suggests a component analysis of the semantics of the derivative word in comparison with the semantics of the generating word, grouping of the signs of nomination in the model of nomination. The areal method and, in the case of an unclear internal form, the comparative historical method, serves to clarify the functional and semantic features.

Results and discussion. Consideration of the motivational-genetic relationships of the units of the lexical-semantic field “Harm” in the dialects of the Russian language made it possible to identify and track the formation of the conceptual structure of negative utilitarian evaluation in traditional culture. As a result, it turned out that most field tokens have unambiguously established motivational relations, except for units of the core and the perinuclear part of the field, which have lost the transparency of motivational relations due to the historical depth of their occurrence. To reconstruct the motivational relations of these lexemes, data of etymological dictionaries are used. The analysis of semantic connections and motivational relations of field vocabulary made it possible to identify field boundaries and identify eight nomination models.

Conclusion. The found motivational relations and the motivational models presented by them revealed, on the one hand, a fundamental similarity with the previously considered motivational characteristics on the material of the literary language, and on the other hand, they revealed differences associated with historical changes in motivational relations caused by the evolution of the concept of “harm”.

Keywords: Russian language, dialectal lexicon, the concept of “harm”, motivational relationship, motivational model.

References

1. Dronova L. P., Liu Yanchun. Motivatsionno-geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya “Vred” v russkom literaturnom yazyke [Motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field “Harm” in the Russian literary language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 4, pp. 202–213 (in Russian).
2. Liu Yanchun. Motivatsionnaya struktura subpolya “Sglaz, porcha” leksiko-semanticheskogo polya “Vred” v dialektakh russkogo yazyka [Motivational structure of the subfield “Evil eye, damage” of the lexical-semantic field “Harm” in dialects of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo Universiteta – Tomsk State University Journal*, 2018, no. 427, pp. 47–54 (in Russian).
3. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 2 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p. (in Russian).
4. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 22 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 22]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 368 p. (in Russian).
5. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 46 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 46]. St. Petersburg Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. 350 p. (in Russian).
6. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 10 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 388 p. (in Russian).
7. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 12 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 12]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 369 p. (in Russian).
8. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 32 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 32]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 272 p. (in Russian).
9. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 40 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 40]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006. 346 p. (in Russian).
10. *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vekov*. Vyp. 20 [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Vol. 20]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 288 p. (in Russian).
11. Fasmer M. Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka: V 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Translation from German and additions by O. N. Trubachev]. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p. (in Russian).
12. Dal’ V. I. *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Ed. I. A. Baudouin de Courtenay]. Moscow, Progress Univers Publ., 1994 (in Russian).
13. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 15 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 15]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 400 p. (in Russian).
14. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 16 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 16]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p. (in Russian).
15. Trubachev O. N. (ed.) *Etimologicheskii slovar’ slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Vyp. 13 [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Vol. 13]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 144 p. (in Russian).
16. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 11 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 364 p. (in Russian).
17. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 34 [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 34]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 369 p. (in Russian).
18. *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vekov*. Vyp. 13 [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Vol. 13]. Moscow, Nauka Publ. 1987. 322 p. (in Russian).
19. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Progress Publ., 1986. T. 2. 672 p. (in Russian).
20. Varbot Zh. Zh. *K rekonstruktsii i etimologii nekotorykh praslavyanskikh glagol’nykh osnov i otglagol’nykh imen. IX (*zoriti/*zariti II; *obsog’ i *obsoziti; *syknqti; *r’v’n’i *ruja; *guzlo)* [On the reconstruction and etymology of some Proto-Slavic verb stems and verb names. IX ((*zoriti/*zariti II; *obsog’ and *obsoziti; *syknqti; *r’v’n’ and *ruja; *guzlo)]. *Etimologiya*, 1980 [Etymology. 1980]. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 30–36 (in Russian).

Liu Yanchun, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Language, Dalian University of Foreign Languages (Southern Liushun Street, 6, Dalian City, China, 116044). E-mail: liuyanchun@mail.ru